

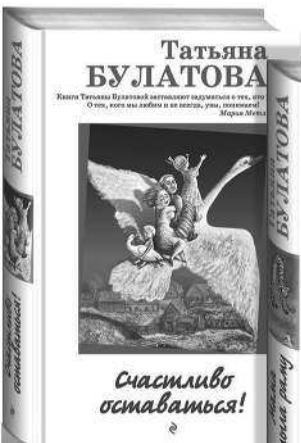
Соединить смешное и грустное, малое и великое, изобразить все как в жизни – большой талант. У Маши Трауб он есть!

Георгий ДАНЕЛИЯ

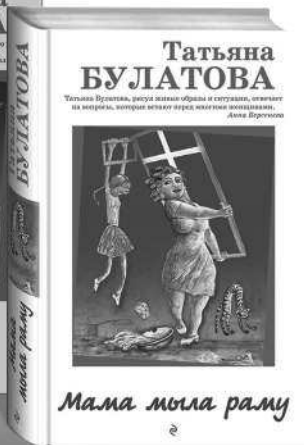
Книги Татьяны БУЛАТОВОЙ для женщин от 18 до 118 лет

Книги Татьяны Булатовой заставляют задуматься о тех, кто рядом. О тех, кого мы любим и не всегда, увы, понимаем!

Мария Метлицкая

*Счастливо
оставаться!*

Мама мыла раму

Островок счастья

ЛАРИСА РАЙТ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — СЕМЬЯ

Готовых рецептов семейного счастья нет и быть не может.

Однако книги Ларисы Райт открывают перед читателем множество вариантов построения счастливой семьи. Герои романов Райт совершают ошибки, ссорятся, обижаются, но при этом продолжают любить. Каждая такая история делает нас немного мудрее.

За чужими
окнами

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь *одинокой женщины*

Второе *дыхание*

Испытание *медными трубами*

Всем *сестрам...*

Мария
Метлицкая

То, что
сильнее

Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М54

Метлицкая, Мария.

М54 То, что сильнее : рассказы / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой).

ISBN 978-5-699-47558-2

В молодости кажется, что жизнь — простая и незамысловатая штука. Так легко все раскладывается по полочкам, делится на черное и белое, плохое и хорошее. С годами человек понимает, что между черным и белым существуют полутона, что не бывает хорошего без плохого и наоборот.

К героям Метлицкой с возрастом приходит и другое открытие — жизнь сильнее и мудрее человека. Все попытки искусственно изменить ее, повернуть на сто восемьдесят градусов — бессмысленны. Надо просто довериться ей — и она не подведет.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-47558-2

© Метлицкая М., 2011
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

То, что сильнее

Ночью, она, конечно же, не спала. Впрочем, что за новость! В обычные-то дни порой с фенозепамом, а тут такие события! Просто мирового значения! К семи утра она стала чуть подремывать, а в восемь уже зазвонил будильник. Милочка еще спала.

Встала она легко, без покрывания и медленного шарканья по комнате и до туалета, как было всегда. Почти подскочила и бодро устремилась в ванную.

Она долго умывалась, критически разглядывая себя в зеркало и, как всегда, оставаясь недовольной этим, увы, не самым веселым зрелищем, потом что-то вспомнила, суетливо бросилась на кухню, открыла морозильник, вытряхнула из пластмассовой ячейки кубик льда и стала протирать им лицо. Лед быстро таял и капал на ночнушку. Потом она снова посмотрела на себя в зеркало, и ей показалось, что кожа порозовела и стала упругой.

«Умная Зинка! — мелькнуло у нее в голове. — Надо почаще ее слушать. Что там еще

она говорила? Лед, потом тертую картошку под глаза, а уж потом крем».

Тереть картошку было неохота, да и некогда. Она выдавила из тюбика крем «Женьшеневый» и осторожно стала наносить на лицо. Зинка учила: наши кремы — лучшие. Впрочем, французские она все равно не тянула. Привычным ловким движением закрутила узел на затылке и снова, как всегда, осталась недовольна своими волосами. Это с юности — да, густые, да, седина поздняя и редкая, а вот структура волоса (фу, никогда не нравилась) — мелким, непослушным «бесом». Зинка ворчала: к твоим годам у всех уже половина от волос остается, а у тебя — полно. Подумаешь, кудряшки ей не нравятся! Ну, что поделаешь, не нравятся — всю жизнь хотелось иметь гладкие и прямые. Как у Лары. А так — ни стрижку, ни челку. Всю жизнь гладкий пучок на затылке. Сейчас уже, правда, по возрасту.

Потом она прошла на кухню, тихо прикрыла дверь — не дай бог, разбудить Милочку — и включила электрический чайник.

— Господи! Какое удобство, — в который раз удивилась она. — Три минуты всего!

Ее, человека гуманитарного, с трудом меняющего перегоревшую лампочку и с большим трудом освоившую стиральную машину-автомат, восхищали и потрясали все новости технического прогресса: телефон без шнура, который вечно перетирался; печь СВЧ — и

разморозить, и разогреть; тостер, электромясорубка — ни усилий, ни трудов. А уж мобильник она считала просто вершиной гениальности человеческой мысли. И даже при их весьма скромных доходах копилось и откладывалось на новые чудеса техники.

Сначала купили мобильник Милочке — самый дешевый, естественно, корейский, а спустя месяц — и ей, Анне Брониславовне. Теперь, даже когда она выходила ненадолго, в сберкассу или в магазин, они с Милочкой обязательно созванивались, буквально два слова:

— Ты как? Все нормально?

И услышав в ответ дочкино: «Все о'кей!», Анна Брониславовна улыбалась, вздыхала, отключала кнопку и убирала телефон в сумку.

Она выпила кофе с кусочком сыра — очень вкусно, несмотря на нервное состояние. Посмотрела на часы и пошла в комнату — одеваться.

Наряд свой, скромный, но из выходных, она приготовила еще с вечера: темно-синяя юбка-джерси и голубая из искусственного шелка турецкая блузка — нарядная с большим воротником, пробитым дырочками узором, и украшенная крупными, под перламутр, пуговицами.

В уши вдела свои единственные сережки — маленькие, в лапках, бриллиантовые «розочки», память о маме. Подушилась духами с нежным названием «Анаис-Анаис» — подарок Милочкин ко дню рождения. И нанесла по-

следний штрих: бледно-розовую перламутровую помаду — цвет, которому она не изменяла всю жизнь.

— Что ж, — оглядела она себя. — Вполне приличная дама глубоко за шестьдесят. Даже сохранилось подобие талии — блузку, по крайней мере, можно еще заправить в юбку.

Потом, что-то вспомнив, она всполошенно влетела на кухню. Проверила бульон на окне — все в порядке, яркий, янтарный, пена снята вовремя, много моркови — отсюда и цвет. Подняла полотенце — на доске лежала длинная, как полено, немного кособокая кулебяка с капустой. Приподняла крышку старой, чугунной, еще бабушкиной утятницы. Там, ожидая своего часа, лежала говядина с черносливом. Все нормально.

Она устало плюхнулась на табуретку.

— Господи, дура какая! А что могло с этим за ночь случиться? Мышей в доме, слава богу, нет. Все нервы, нервы.

На кухню, зевая, вышла Милочка.

— Ты уже, мамуль? — удивилась она. — Рано же еще!

— Нормально, в самый раз. Подожду во дворе. Там спокойнее.

Милочка опять широко зевнула и кивнула. Анна Брониславовна поднялась с табуретки и строго сказала дочери:

— Мила! За тобой — пылесос и пыль! Ты помнишь, надеюсь.

Милочка кивнула и махнула рукой.

— К двенадцати часам, Мила, к двенадцати должен быть полный, просто наиполнейший порядок!

Милой она называла дочь редко, подчеркивая тем самым торжественность и важность момента.

Милочка бросила свое вечное «ага» и исчезла в ванной.

— И себя в порядок! Слышишь? — крикнула Анна Брониславовна дочери.

В прихожей она надела дутое корейское пальто — вполне приличное, хоть и с рынка. И снова порадовалась ранней весне. А если бы стояли морозы? Тогда бы пришлось пойти в старой, выношенной донельзя, ненавистной и тяжелой мутоновой шубе. И в «гнезде» на голове — песцовой, пожелтевшей от времени шапке.

«Сапожки не надену, ну их, хотя есть вероятность, что промочу ноги. Но разве об этом сейчас речь?»

Она села на маленький пуфик в прихожей и, кряхтя, засунула ноги в туфли — еще вполне приличные, правда, не по погоде.

«Точно промокну!» — вздохнула она.

Шарф на голову тоже надевать не стала.

«Что я, старуха, в конце концов? — бодрилась Анна Брониславовна. — Дай бог, пронесет, а нет — так пошмыгаю носом пару дней».

— Я ушла! — крикнула она Милочке.

Дочь вышла в коридор.

— Ни пуха, ни пуха! И не волнуйся ты там! Все будет хорошо. В конце концов, он же прожил здесь основную часть своей жизни, — утешила она мать.

Анна Брониславовна кивнула и тяжело вздохнула.

В дверь раздался длинный звонок. На пороге стоял Генка, сын соседки Зины.

— Ну че, тетя Ань? Помчались?

Анна Брониславовна кивнула.

— Аккуратнее там! — бросила вдогонку Милочка. — Телефон взяла?

— Да-да, — ответила мать.

Пока они ждали лифт, из соседней квартиры выглянула соседка Зина, Генина мать.

— Двинулись? — спросила она. — С богом!

Анна Брониславовна ей сухо кивнула. Вообще говоря, на Зину она была обижена. В первый раз обратилась с просьбой, да и просьба невелика — отвезти в Шереметьево, встретить дорогого гостя, а у Зинки аж лицо набок свернулось.

— Ой, Ань, такие пробки, ездить невозможно, да и потом, сама знаешь, как с этими уродами связываться? — Это она про своих сыновей.

Анна Брониславовна от негодования вспыхнула и пошла пятнами. Боже мой, сколько она этой Зинке помогала! У той пять лет свекровь парализованная лежала. Зина работала

сутками, а она, Анна Брониславовна, бабу три раза в день кормила, судно выносила — у нее были ключи от квартиры, забегала по пятнадцать раз в день. И поминки все сделала — и блины, и салаты. Зина ей тогда руки целовала: «Аня, да я без тебя бы!..» А тут раз в жизни обратилась — и козья морда. Вот она, простота. Та, что хуже воровства. Анна Брониславовна поджала губы, развернулась и ушла к себе.

Вечером Зинка, конечно же, прибежала. Принесла кусок яблочной шарлотки и банку протертой малины — в знак примирения. Чувствовала свою вину. Не извинилась, где ей, а все приговаривала:

— Ань, ну ты чего, ты меня не так поняла! Чего обижаться-то, потом мои балбесы не твоя Милочка, сама знаешь. Отвезет Генка, куда денется, отвезет, ясное дело.

Что дуться, когда и вправду деваться некуда? Такси в аэропорт стоит бешеных денег, а обратно и говорить нечего — видела по телевизору их, таксистскую мафию, там, на месте. Пенсии не хватит.

В машине Генка громко включил радио «Шансон». Анна Брониславовна покачала головой и скривила губы:

— Ну и пошлость!

А Генка радостно подпевал. Потом решил пообщаться:

— Ну, чего там, тетя Ань, полюбовника своего едете встречать? Друга, так сказать, детства?

Анна Брониславовна покраснела.

— Балбес ты, Генка, это муж моей подружки покойной, соседки по старой квартире. Десять лет вместе прожили. А ты глупости свои несешь.

Генка не обиделся, а понятливо покачал круглой стриженной башкой.

— А откуда он летит, из Америки, что ли? Еврейчик, стало быть?

Анна Брониславовна наморщилась от этого вроде бы безобидного, но почему-то неприятного и унижительного «еврейчик» и спокойно и строго сказала:

— Да, Гена, он еврей, как ты изволил выразиться. И уехал он в Америку от таких, как ты. Имеет право. От всего этого ужаса подальше. — Она кивнула головой на город, мелькавший в окне машины. — А жена у него была русская. Так что дети, считай, тоже получают русские. И осуждать никого мы не имеем права. Во-первых, прошли те времена, а во-вторых, если бы у всех была возможность уехать, то думаю, что осталось бы здесь народу процентов десять или от силы двадцать.

После такой пламенной речи Анна Брониславовна покраснела, замолчала и отвернулась к окну.

— Да ладно, тетя Ань, — миролюбиво сказал Генка. — Это вы верно сказали: я бы тоже